

ОУИ НБ МГУ №1993

Дрессированные удавы, «Полосатый рейс» и саянский поход

<http://oralhistory.ru/talks/orh-1993>

3 мая 2016

Собеседник

Кривоносов Юрий Михайлович

Ведущий

Голицына Екатерина Андреевна

Дата записи

Беседа записана 3 мая 2016 и опубликована 18 августа 2018.

Введение

В четвертой беседе фотограф Юрий Кривоносов подробно рассказывает о своих экстремальных репортажах для журнала «Огонек». Ему довелось фотографировать удавов, тигров и львов, повезло присутствовать на съемках знаменитой комедии «Полосатый рейс» и сплавляться по порожистой саянской реке Уде. Благодаря своей уникальной работе Юрий Кривоносов побывал в Арктике, пожил на дрейфующей станции «Северный полюс-10» и даже научил полярников мыть посуду сухой горчицей.

Юрий Михайлович Кривонос: В те времена, когда я был активный фоторепортер, интернета, к сожалению, не было, и новости можно было узнавать либо по радио, либо из газет. Газет я выписывал много. У меня было несколько газет. Центральные газеты. Потом и болгарские газеты выписывал. Приносили газеты рано, потому что у нас был сосед, который, если запаздывали газеты, звонил на почту и говорил: «Мне макулатура не нужна». Поэтому они приносили рано утром. Я просматривал газеты. И всегда откуда-то можно было наковырять какие-нибудь новости, из чего можно было сделать тему.

«Репетиция с удавом»

Однажды я вдруг прочитал, что какой-то студент-биолог тренирует удавов для съемки советско-финского фильма. Я заинтересовался, нашел его, позвонил ему. Звали его Слава Березин. Он готовил двух удавов для съемки фильма. По-моему, назывался этот фильм «Сампо». В общем, советско-финский фильм. И там герой Вяйнямёйнен борется с удавами на поле змей. Несколько секунд должен быть такой кадр. Надо было этих удавов адресировать, до какой-то степени довести, чтобы с ними артист мог поработать эти несколько секунд, с ними что-то сделать. И этот студент взялся их дрессировать. Ему сделали террариум на кухне, застеклили, и там два удава. Один шестиметровый, а другой — пять с половиной*. Это как отсюда и дотуда. Толщины — в руку, больше, чем в руку. Вот такой толстый удав. Он взял одного только удава для съемки.

* В репортаже удавы были длиной пять и четыре с половиной метра.

Дело в том, что я безумно боялся и боюсь змей. Я не могу в руки взять даже ужа. Ужа я не могу взять. Вот ящериц я не боялся. Ящерицу могу за пазуху пустить, все что угодно. Могу белых мышей за пазуху пустить. Но никакой змеи, даже ужа, не могу. А тут этот огромный удав. Надо снимать. Я боюсь же смертельно. Он вытащил сюда одного и начал с ним заниматься. Удав норовит на него накрутиться. Он закрученный, волосы сваливаются, и я снимаю. Я на ролик снимал. Там двенадцать кадров, широкий кадр. Значит, я снимаю, снимаю. А он мне объяснил, что самое главное — не дать ему накинуть третье кольцо. Если он накидывает третье кольцо, у него инстинкт срабатывает на сжатие, и тут уже ничего нельзя сделать. Поэтому он — два кольца, и одно сбрасывал все время. Все время сбрасывал одно кольцо. Короче говоря, пока он с ним возился, я его снял.

«Начинаем работать». Автор фото Ю. М. Кривоносов. Источник фото: www.krisphoto.ru

Снял, поджилки у меня дрожали, естественно, а тут еще надо было его обратно водворить за стекло. Его мама пришла, принесла одеяло какое-то. На него накинули это, запутали его в одеяле, а в нем пятьдесят килограммов весу, и надо было в такую плетеную корзину его сначала запихнуть. Мы втроем его скручиваем, он шипит, у него такие зубища — тоже опасно. В общем, кое-как его скрутили, закрутили и засунули в этот террариум. Я еще доснял, как у них какие-то канарейки... Лирический конец репортажа доснял. И у меня был такой репортаж в «Огоньке», назывался «Репетиция с удавом».

«Марш на место». Автор фото Ю. М. Кривоносов. Источник фото: www.krisphoto.ru

Он их подготовил, отрепетировал, как говорится, укротил до какой-то степени. Когда надо было снимать, актер посмотрел и сказал: «Вы меня зарежьте, но я с ними сниматься не буду. Я к ним вообще не подойду». Что делать? А кадр такой нужен. Тогда решили, что Слава будет дублировать его. Но тот огромный, а Слава маленький. Так под Славу сделали уменьшенный вариант в павильоне, все декорации в масштабе уменьшили, и этот Слава несколько секунд на экране борется с этими удавами.

В общем, материал этот прошел. А у меня была привычка прослеживать судьбы моих героев. Я время от времени ему звонил. Потом он с каким-то юннатским кружком занимался, какие-то были еще... «Мелкий хищник», как говорил в «Полосатом рейсе». Какая-то сова была у них, еще чего-то. Я еще делал какие-то такие материалы. Но потом я через много лет пошел, нашел этот журнал, восстановил, на свой сайт поставил всю эту историю. И я заинтересовался, что стало с этим Славой. Оказалось, что он стал крупным биологом, доктором наук. Он работал в Африке. Он работал по Союзу, в разных местах. Короче говоря, очень известный человек.

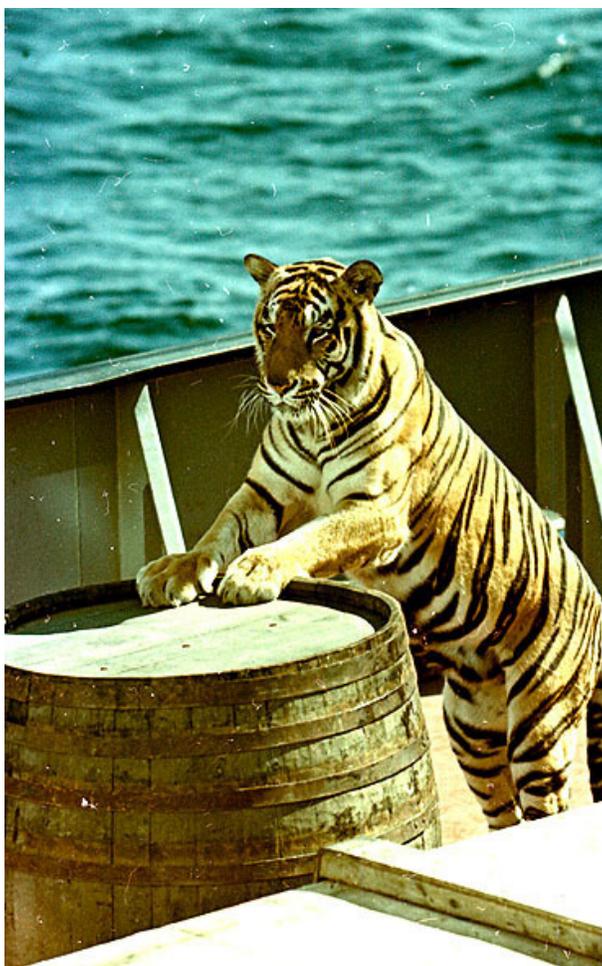
Я тогда обнаружил, что Вася Песков в «Комсомолке» напечатал о нем очерк. Я звоню Васе, чтобы расспросить, а у Васи прошло два или три инсульта уже, и он ничего не помнит. Я говорю: «Ну как же, Слава Березин?» — «Не помню». — «Это вот два года назад был очерк». — «Не помню». Но я узнал, что судьба этого человека такая. Вот это такой эпизод из моей работы, когда я страшно трусил. Но все-таки, когда я вижу уже что-то в камере, у меня что-то по бокам и вокруг меня уже не существует, только там. Поэтому мне удалось это все снять, сделать. Вот такая была история с этим удавом.

Съемки фильма «Полосатый рейс»

А потом был «Полосатый рейс». Это даже и не я узнал. Мне сказали, что надо снимать «Полосатый рейс», потому что был такой очеркист, про кино писал, Андрей Эрштрем, и мне сказали: «Ты с ним поедешь, нужно снять иллюстрации, а он напишет про эти съемки». Нас приехал Каплер провожать на автобус в аэропорт. Каплер тоже помогал. Это же сценарий был, по-моему, Виктора*... *(Перерыв в записи)*

* Авторами сценария фильма «Полосатый рейс» были Виктор Викторович Конецкий и Алексей Яковлевич Каплер.

В Одессе идут съемки «Полосатого рейса». Мы летим в Одессу, поселяемся в гостинице цирка и каждое утро едем в порт на теплоход «Фрязино». На теплоходе «Фрязино» название «Фрязино» покрасили и написали название корабля «Евгений Онегин». Первым делом был инструктаж по технике безопасности. Инженер по технике безопасности читает нам целую цидулку: чего можно, чего нельзя. Главное, надо знать, что когда дается тревога — это один короткий, два длинных (я уже не помню, какие гудки), после этого нельзя выходить из каюты, потому что в это время выпускают зверей на палубу. Меня поселили в каюте доктора. Или замполит он был, или доктор — я не помню. По-моему, замполит даже был он. Оказывается, он сказал, что, пока не кончатся съемки, он больше на судно не придет. Почему? Он прослушал... Он даже не стал слушать, когда был сигнал «отбой» или «тревога». Когда дали тревогу, он вышел в коридор, а коридор так внутри судна проходит, огибает и обратно выходит, и два выхода у кормы. В один и во второй можно заходить и вокруг так обойти. Короче говоря, он вышел в коридор, а тут тигрица. Он давай бежать по коридору — она за ним. Он выскакивает, где этот выход, там лесенка вниз и перила. Он прыгает через перила, она запускает под перила лапу и цепляет его за часы. И часы куда-то улетели, их так и не нашли. Потом он падает на люки, где открытая кухня, и он падает чуть ли не на кастрюли. В общем, от тигрицы он спасся. Но он ушел и сказал, что больше его не будет. Поэтому у меня была такая каюта, из которой я мог снимать.

Возня с бочками. Фото из архива Ю. М. Кривоносова

Там иллюминатор хороший и видно палубу очень хорошо. Есть кадры, где они со шлангом безобразничают и еще рвут матрасы. Это я все снимал из своей каюты, потому что очень хорошая точка. Я телевиком снимал, как будто это рядом. Буквально в метре-полтора под иллюминатором шла надстройка трюма. Где щиты закрываются, закрывается трюм. Они могут туда прыгнуть, потому что над палубой она возвышается невысоко, на полметра, наверное. И они прыгают туда-сюда и бегают. Если тигр запрыгивает на эти щиты, надо быстро закрыть иллюминатор, успеть закинуть барашек и закрутить. Почему? Потому что их на «Ленфильме» вначале учили лазить в иллюминаторы, дрессировали. И в фильме есть кадр, когда они лезут в иллюминаторы. Их специально обучили, это цирковое обучение. Они это делали, для них это было как номер. Поэтому нужно было быть очень осторожным. Приходилось мне быть начеку.

Игры со шлангом. Фото из архива Ю. М. Кривоносова

” **Большей частью, когда выпускали тигров на палубу, мы сидели в клетках и из клеток снимали.**

И оператор сидел с режиссером, снимали из одной клетки, из другой. Там несколько клеток было, кто где. А дрессировщики, переодетые в моряков, с ними работали. Были ребята-каскадеры, которые по канатам от них залезали и другие всякие вещи делали. Конечно, это все было весьма беспокойно. Когда они на палубе работали, это необученные были моменты, это была просто самодеятельность. Что делают-то? Стояло три-четыре камеры одновременно. С разных сторон снимали, и что получится, то получится.

Рабочий момент на съемках фильма «Полосатый рейс». Оператор в клетке. Фото из архива Ю. М. Кривоносова

Самое интересное, когда мы приехали в первый день, в это время им принесли отснятый материал, и они в кинозале на студии Одесской просматривали это, и там было жутко смешно. Но кто я там — пришел пришлый человек. Если я буду ржать, я им буду мешать: они же работают. И я просто затыкался, чтобы только не заржать, а мне потом помреж объяснила: «Надо было тебе ржать, они бы были довольны. Они бы оценили, как они сняли». Там были очень смешные кадры. Съёмочная чисто, видно, работа. Я им сказал: «Ребята, вы должны сделать фильм о том, как вы этот фильм снимали». — «Это что, так обязательно?» — «Это же очень смешно! Какие-то моменты, которые не в кадре, не идут в фильм, а вот вокруг, антураж весь». Они потом сделали сорокаминутный черно-белый фильм* о том, как они снимали.

* Фильм называется «Внимание, тигры!».

Екатерина Андреевна Голицына: А что было такого смешного?

Ю. К.: Там было смешное что? Им надо было спихнуть тигров в воду. Для этого они их на палубу катера какого-то, и с катера пытались их спихнуть. Они не спихивались. Тогда сделали клетку, которая разнимается. Их посадили в эту клетку, и клетку подняли над водой и открыли. Но один тигр исхитрился, вывернулся и прыгнул на палубу этого катера. А там сидел оператор, студент ВГИКа, который дополнительный с камерой. Он взвился — на рубку запрыгнул. И потом — там мачта такая — по этой мачте наверх и там повис.

Е. Г.: Бедняга.

Ю. К.: Повис, а камеру он аккуратно положил. А другой оператор снял тапочки, положил камеру и сполз по борту в воду. А с другой стороны плавали два тигра. Но это выглядело все безумно смешно. Это как нарочно. Я им потом сказал, что это очень смешно, но в зале-то я не осмелился хохотать.

Конечно, были моменты очень опасные. В частности, когда они терзали тушу то ли лошадиную, то ли коровью, я не помню. Матросы принесли эту тушу, а там какая-то труба. Они ее запихивают, запихнули, а я им говорю: «Ребята, куда вы так запихиваете? Они же не вытащат тушу-то. Не вытащат». — «Как не вытащат? Вытащат». Там выход из надстройки, внизу зарешечено, и стояла камера одна, а вторая камера была где-то сверху, и еще одна камера была в шлюпке, а шлюпка подвешена — ну вот как потолок,

вот так вот. В шлюпке режиссер, оператор, ассистент оператора и я. Четверо в шлюпке мы. Короче говоря, выпустили тигров. Там был Урал — огромный тигр, триста пятьдесят килограммов в нем веса было, и две или три тигрицы были. И этот Урал подошел, как тряпку, вытащил оттуда эту тушу, потащил — и началась тут возня: он их отгоняет, они тоже лезут сюда...

Возня с тушей. Фото из архива Ю. М. Кривоносова

И вдруг он увидел нас в шлюпке. Мы похватали какие-то багры, весла, все встали так... Но Костя Константиновский, главный дрессировщик, как-то умудрился его отогнать. У них были бутафорские тумбы, на которых обычно они снимают их, они фанерные. Он кинул в него тумбой, а они уже были обучены, что они тумбы почему-то боятся. Он отскочил, и они его отогнали, загнали в клетку. Оставили только этих тигриц, которые начали эту тушу терзать, иначе было бы опасно. Он сказал: «Ребята, вы вообще наивняки. Что вы с этими баграми там встали? У него вес триста пятьдесят килограмм. Сила прыжка — это будет удар в две тонны. Он бы вас снес вместе с этой шлюпкой в море. А корабль на ходу, и попали бы под винты, не дай господи, смертельный номер!» Это действительно был смертельный номер. Но такой эпизод был.

Е. Г.: То есть этот тигр готовился к прыжку?

Ю. К.: Да, он уже уши насторобил. Потом был номер уже не опасный, но смешной. Вот эта клетка большая, в которой сидят режиссер, оператор, ассистент оператора, там прутья широкие, чтобы камерой можно было снимать. Так как они заняли все впереди, я сзади них был, у них за спиной, и через их головы, через их плечи снимал тоже. И в это время, когда тигры таскали что-то по палубе... Но так как эти прутья очень широкие, то бока клетки сзади и сверху защищены щитами с мелкой сеткой, чтобы они лапу

не могли просунуть. А перед открыт для съемки. И вдруг какая-то тигрица подходит близко — ребята отпрянули назад и меня прижали к задней стенке, я у них за спиной. А она что сделала? Не стала ни лапу, ничего. Она развернулась кормой и дала струю — вот в палец, желтую, вонючую струю по клетке.

Е. Г.: Ужас.

Ю. К.: А я сзади. Я сухой. А их ополоскала капитально. Вот я в такой юморной был. Потом тигров увели, а лев в клетке сидел, и тигр через клетку со львом начал драться. Пока их тоже разогнали. Потом в фильме это было, но это не было запланировано, это случайные вещи. Там была обезьяна, Пират его звали, Пиратик. Когда Пиратик начинал бегать по верху этих клеток, они просто бесились от этого. А он еще орет! Потом его учили стрелять из пистолета. За одну минуту его научили, и он сделал этот кадр, когда он идет и ему говорят: «Будь человеком! Брось пистолет!» — он стреляет. Этот кадр тоже отдрессированный был.

Пират. Фото из архива Ю. М. Кривоносова

Пурш у них был любимый. Они водили его на ошейнике, он был такой домашний. Правда, говорят, царапины от него у них были большей частью, потому что он не соизмерял свои силы. Его водили просто так, и мы сидели рядом и незакрытые даже, вне клеток мы сидели, когда с ним шли съемки. Потом были съемки, когда на палубе он борется со старпомом. На самом деле это был, конечно, не старпом, а Константиновский, главный дрессировщик. Он с ним борется. Когда крупный план снимали, оператор сидел в деревянном ящике, и там была прорезана дырка сверху, и он камеру выставил, а этот с тигром над ним воятся, и он из-под низу это снимал. Это тоже был номер, прямо скажем. Но кадры потом впечатляющие были. Что еще там было из таких интересных моментов? Много.

Съемка схватки К. А. Константиновского с тигром Пуршем. Фото из архива Ю. М. Кривоносова

Е. Г.: Когда Леонов там с ними оказался?

Ю. К.: Леонов снимался на студии. Это не на корабле снималось.

Е. Г.: А, это не там.

Ю. К.: Не на корабле снималось. Причем долго не могли придумать, как снять это. Пробовали через зеркало, пробовали как-то через решетку — ничего у них не получалось. Тогда Леонов им говорит: «Знаете что, ребята? Я буду сниматься в открытую. Просто в открытую. Впустите Пурша, но должны рядом стоять Аркаша, — это помощник дрессировщика, — и Костя Константиновский. Пусть они рядом меня страхуют. Я буду сидеть в ванной и выскочу. Все путем. Вы только проследите за Пуршем». Он залез в ванну, и все, что мы видим в фильме, снято с одного дубля. Это чистая съемка. Так оно и было. Он выскочил и голый побежал. Один дубль — все, было снято. А иначе они не могли придумать, как это сделать. И он пошел им навстречу.

Когда он должен был с лестницы прыгать рыбкой вниз от тигров, ему говорят: «Давай настелем матрасы. Давай прыгай!» — «Да ты что!» — «Хоть с первой ступеньки попробуй прыгнуть!» Кончилось тем, что он прыгал сверху рыбкой. Он отчаянный мужик, между прочим. И сняли тоже, как он прыгает. Вот такие были моменты там.

Е. Г.: То есть опасные все-таки были съемки.

Ю. К.: Опасные, конечно! Когда он в клетке сидит, чтобы на него тигр обращал внимание, внизу была ниша сделана, для приманки там сидел поросенок и пищал. И когда тигр стремился... А Леонов сидел в этой клетке. И вдруг поросенок выскочил оттуда, и тигр лапу просунул и прижал его лапой! Леонов у него из лапы этого поросенка оторвал! Вытащил и забрал. Спас поросенка. Он его не успел ни поцарапать, ничего, но прижал просто. То есть Леонов спас поросенка. Это ему засчитывается в его героическое поведение.

Каждый день мы выходили в море. Там было много всяких ухищрений. У них была лапа тигриная, когда крупняком снимают, как он лапой кого-то, эта лапа одета на руку. В общем, какие-то были там всякие кино...

В роли тигра режиссер Владимир Фетин. Фото из архива Ю. М. Кривоносова

Е. Г.: А ночные эти съемки?

Ю. К.: А какие там ночные съемки?

Е. Г.: Там на палубе, когда тигр вырывается из машины.

Ю. К.: Ночную я не помню.

Е. Г.: Или это не на корабле?

Ю. К.: Нет, я не помню ночные. Когда они бегают по каютам, в радиорубке, да? Лезут через иллюминаторы — это снято все было на «Ленфильме». Это не на корабле было снято. На корабле только вот такие, где они... Но был один момент, когда Урал вдруг лапами встал на бортик вот так: встал на задние лапы, положил на борт передние лапы. Я успел сделать кадр. Уникальный кадр, единственный, как он стоит и смотрит в море, а тут какие-то тигрицы, их хвосты. В фильме этого кадра, по-моему, нет. Но у меня есть. Я его на выставку давал. Это в цвете все очень красивое: море синее, он рыжий.

Урал на море. Фото из архива Ю. М. Кривоносова

Очень много было таких эпизодов. Одна тигрица просто выпрыгнула в море, ее ловили. Кальва ее звали. Притащили обратно, на плоту повезли, привезли. А эту обезьяну периодически брали, она периодически делала черт-те что, но это снимали несколько камер, потом смонтировали, и получились очень смешные эффекты. Она какие-то рейки сверху бросала, чего-то еще вытворяла, и все это снималось без подготовки. Иногда брали его подружку. У Пирата была подружка, ее звали Чилита. Чилите давали бобышки от пленки, она с ними играла и смотрела, как Пирата снимают. А иногда ее не брали, и вечером, когда мы подходили к порту и уже встречали, она у кого-нибудь на руках сидела, и ей кричали: «Чилита! Чилита!» — «У! У! У!» — «Пиратик! Пиратик!» — «У! У! У!» Она просто ждала с нетерпением, когда его привезут после этого. Один тигр у них был, Ахилл, которого они не брали на съемки, — такой был свирепый. Хотя он был дрессированный, но он был очень свирепый. Боялись. Сделали в порту, в пакгаузе клетку, как в цирке круглая клетка для выступлений. Он в ней постоянно находился. Его никогда не брали. Это было слишком опасно.

Много было эпизодов, которые мне рассказывали, но это не так все... Это вот основное. Конечно, страху-то было много. Мы от них бегали, прятались. Когда кричат: «Полундра! Выскочил! Вырвался!» — кто куда. Я в свою каюту, закрылся, сижу и не выхожу. Пока три гудка длинных не дадут — «отбой», — все сидим.

Самое еще интересное было, когда я это все отснял, приехал в Москву, проявил, отпечатали мне цвет, понес в фотоотдел, там главный художник, отбирали: «Дадим две полосы, вкладку, значит, сюда, сюда, сюда, всё, всё, всё». Я отбираю негативы, оставляю негативы и уезжаю к папе в Краматорск. Приезжаю,

мама говорит: «Звонила Любовь Григорьевна, — это заместитель завфотоотделом, — ругалась страшно, что ты не оставил негативы по «Полосатому рейсу». Я говорю: «Как? Я все оставил». Я еду в редакцию. Она уже пар выпустила, на меня не ругается, не кричит, и выяснилось, в чем дело. Когда стали показывать макет номера, главный редактор сказал: «Да вы что! Две полоски на такой материал! Ну-ка, с обложками! Вкладку! Как следует дать!» А у них негативов-то мало.

Е. Г.: Вы не все оставили.

Ю. К.: Конечно! Я оставил то, что отобрали! Так они что сделали? Они их разбахали, размер крупный. Зато уже подача была чудесная. Чудесная подача. Крупная обложка была, все чин чинарем. Там было их десять, наверное. Я не помню, сколько. Короче говоря, это вышло.

Дальше происходит следующая вещь. Я в это время сотрудничал с журналом германо-советской дружбы «Freie Welt», выходил журнал в Берлине. Хороший очень журнал, а здесь было бюро этого журнала. Руководила им Лиза Ключевская. Она чудесный художник была. Она потом нарисовала серию акварелей «Москва Достоевского». Можно сойти с ума было, какая была выставка! Очень талантливая она художница. А тут она вела вот это бюро, материалы добывала. И мы с ней договорились, что они хотят во «Freie Welt» тоже напечатать материал про «Полосатый рейс». Я захожу чего-то в фотоотдел и вижу у нашей, которая ведала архивом, лежит пакет с моими цветными негативами «Полосатого рейса». Я говорю: «А это что за негативы?» Она говорит: «Я вот посылаю, должна печатать. У нас запросил журнал NBI». Это гэдэровский тоже журнал, NBI — «Neue Berliner Illustrierte». А он был конкурентом «Freie Welt». Но они были цветные, а «Freie Welt» — черно-белый журнал, такой тонированный. Я говорю: «Сколько вы можете промариновать?» Она говорит: «Ну, дней десять». Я говорю: «Пока не посылайте печатать». Бегу, звоню Лизе. Сын говорит: «Она в Берлине». Звоню в Берлин, ее разыскиваю: «Лиза, нас хотят опередить». А уже напечатано было, вот такой пакет с фотографиями. Черно-белые были напечатаны. Она говорит: «Беги в гостиницу „Украина“. Там базируется „Люфтганза“. Летчикам отдай пакет. Они сегодня же прилетят, вечером мы их в Берлине встретим». Я бегу туда. Я говорю: «Ребята, так и так». — «Давай». Они там ее встречают, но у них уже номер готовый по существу. Тогда они вставляют туда один разворот, где совсем ничего нельзя понять: какие-то звери, чего-то там бегают люди. И написано: «Этот полосатый клубок мы вам распутаем в следующем номере». В следующем номере дали обложку, полностью разбаханный материал. То есть дали крупно этот материал. Таким образом мы вставили фитиль NBI, чем мы страшно гордились. Мы их опередили. Вот это с «Полосатым рейсом» такие основные...

Потом, конечно, были у меня и фотовыставки по «Полосатому рейсу». Я встречался с кем-то из этих самых людей. Сейчас, два дня назад, по «Первой программе» утром дали «Полосатый рейс». Я же не вижу, но я слышу. Я звуки все знаю. Я знаю, что там происходит. Разные кадры же я вижу мысленным взором. И вдруг я понимаю страшную вещь: никого из актеров и из съемочной группы не осталось. Остался я один свидетель, и осталась Алиса Фрейндлих, которая в начале чуть-чуть и в конце чуть-чуть как буфетчица с Леоновым играет, что она тоже будет кем-нибудь, да? Вот только два человека, причастные к этому фильму, остались. Больше никого нет. У меня пачка этих негативов, конечно, хранится. Вот такая история с «Полосатым рейсом».

Е. Г.: Замечательная история.

Ю. К.: Прошло пятьдесят пять лет! Конечно, за пятьдесят пять лет... А это были взрослые люди. Я помню, чудесный этот Леша Смирнов, который смешной такой актер... Знаете, он играл в «Айболит»* вместе с Роланом Быковым. Он там говорит: «Ой, я слышал, что он питается человеческими жертвами». Его я снимал потом. Он какую-то рыбу ловил. Трусков — актер тоже. Я всех снимал просто так, на пленэре. А потом, когда шла съемка «Приключений Шурика»... Вы помните, где он играет алкаша, которого Шурик порет. Он на бульдозере должен был за ним гоняться. А это в Свиблово снимали, то есть на окраине. Меня попросили для журнала «Советский экран» снять моменты съемочные. И я снимал опять, а он говорит: «Ты откуда здесь взялся?» Я говорю: «Я продолжаю за тобой следить». Короче говоря, я тоже снял. К сожалению, все негативы я отдал в этот журнал, и больше я их обратно не получил. Просто я им

по дружбе снял. Вот это с «Полосатым рейсом».

* Фильм «Айболит-66»

Алексей Смирнов. Фото из архива Ю. М. Кривоносова

Станции «Северный полюс–8» и «Северный полюс–10»

Теперь что? Мы пойдем дальше. Рассказывать будем что? Про Северный полюс или что у нас там?

Е. Г.: Ледовитый океан у нас был.

Ю. К.: Северный Ледовитый океан, да? Хорошо. Это тоже история очень интересная. Сообщение, что покололо станцию «Северный полюс – 8». Лыдина потрескалась, людей надо спасать, надо спасать эту станцию. Идет спасательная операция. Я узнаю про это дело, бегу и говорю, что хочу лететь. «Давай, лети, лети». Я хватаю аппаратуру, всякое такое... Одеваюсь. Это зима. И в аэропорт. Смотрю — в аэропорту ребята из радио: Костя Ретинский (тогда знаменитый радиореporter) и его ассистент. У них рюкзаки, к ним приделаны валенки. То есть они уже, как полярники. А у меня ничего. У меня на ногах были ботинки чешские «прощай, молодость». Ну, утепленные матерчатые ботиночки с молнией — «прощай, молодость». Кое-как я одет. Какие-то брючонки. Пальто у меня было демисезонное. Такое пальто на вид легкое, но внутри был пристегнутый мех, теплый очень. И шапка у меня была хорошая. А, и мои рукавицы. Все, больше ничего. Шарф, конечно. Это вот моя полярная подготовка. В это время вдруг объявляют, что полета сегодня не будет, полет будет завтра. Я возвращаюсь домой. Утром я приезжаю — и опять эти с радио, мы как коллеги — то-се, пятое. Они звонят в ТАСС, а им говорят: «Ребята, уже станцию спасли.

Поездка отменяется». Я звоню в редакцию, а ответственным секретарем был Генрих Боровик. Я говорю: «Генрих, так и так. Сказали, что станцию спасли. Отзывают тассовцев, но я бы хотел лететь». Он говорит: «Конечно, лети! Хорошо, напишешь, как это было. Не будешь сам присутствовать, а как это было». — «Хорошо!» Короче говоря, я лечу туда. Прилетаю в Тикси, откуда ходят самолеты на острова, где мыс Косистый. Там поселок Косистый, арктическая база, откуда летают уже на полюс. Мне надо туда попасть. Я иду к диспетчеру. Он говорит: «Да, завтра, значит, все сообщим». Я прихожу в гостиничку. Маленькая гостиничка. Мне говорят: «Знаешь, тут еще два парня. Это номер на троих. Они должны сегодня вернуться. Они какие-то коллеги». Приходят два парня. Я их запомнил. Они с телевидения. А фамилия оператора была Татарашвили. Единственное, что я про них помню. Они говорят: «А, здорово!» — «Здорово!» — «Ты как? А мы с Северного полюса полетели за дрейфующей станцией. Мы через день летим в Москву». И все такое прочее. Один говорит: «Слушай, мне это барахло тащить неохота. Ты возьми унты мои и теплые штаны эти, спецпошив». А это именно то, что мне надо. Я говорю: «Давай, я тебе привезу». Он мне это оставляет.

На следующий день — воскресенье. И были выборы в Верховный Совет. Они говорят: «Знаешь, выборы в Верховный Совет. Давай поедem в поселок». Аэродром на каком-то расстоянии от самого поселка Тикси. Говорят: «Надо выпивку достать, отметить это дело. Давай. У нас есть вездеход». — «Хорошо». Садимся на вездеход, едем туда. Никакого спирта мы, конечно, не находим. Но я снимаю это: выборы, плакат, избирательный участок. Стоят вездеходы, дымят. Такие кадры, значит, впечатляющие! Арктические выборы. Запаковываю пленку, тут же сдаю диспетчеру. На Москву ближайшим самолетом. Потом получили в «Огоньке» эту пленку и напечатали выборы в Тикси. Это попутно я делаю, да? Приезжаем мы обратно, не добывшие выпивки. Выясняется, что борт ушел туда. Сегодня я его проморгал. Что делать? Это командировка, когда все не получалось. Значит, в первый раз вылететь не удалось вовремя. А потом вылетели, долетели мы до аэродрома, а там какие-то учения, повернули обратно. В общем, целая история. На следующий день после этих выборов я говорю диспетчеру: «Все, я сижу как прикованный. Позвони мне, как будет борт». Я сижу — ничего, не звонит. Я прихожу туда. «Ой, ты знаешь, я забыл». Борт улетел. Это же еще два дня.

Е. Г.: Ужас.

Ю. К.: Что делать? На следующий день утром я беру свои шмотки, прихожу, сажусь у него в углу на полу в рубке и говорю: «Все! Я сижу, пока ты меня отсюда не отправишь!» Наконец, он говорит: «Все, борт летит! Иди! Садись!» Меня сажают в этот ероплан (*произносит именно так*), и мы летим на эти острова. По дороге дозаправка. Там был аэродром подскока. Назывался он Темп. Сейчас его оживляют, хотят сделать базовым аэродромом, потому что мы сейчас свою Арктику начинаем укреплять. А тогда это был аэродром подскока. Это когда только садятся, заправляются и летят дальше.

Мы летим, штурман мне говорит: «Слушай, я тебя где-то видел». Я говорю: «И я тебя где-то видел». — «А ты где служил?» — «Вот там». — «А в Софийске на Амуре ты служил?» — «О! На Тихоокеанском!» — «О! Да-да-да! Вот мы там и виделись!» Я был в отдельной эскадрилье, а он был в отдельном полку, но мы все время там общались. «Ну, — он говорит, — оказывается, мы коллеги!»

Мы садимся на заправку, и нам говорят: «Погода испортилась. Будете здесь ночевать. Вылета не будет, потому что нет погоды». А ему говорят: «Да? Но Каш-то улетел?» Он говорит: «Каш улетел — Каш сядет». Я говорю: «Какой Каш?» — «Леша Каш». В одной эскадрилье мы с ним служили на Дальнем Востоке! В одной эскадрилье! Я говорю: «Каш — это замечательно». А Каш прославленный полярный летчик был. Он и у нас, когда был в морской авиации, был такой оторва, что будь здоров! Когда он нарочно хотел начальство позлить, он начинал безобразные посадки делать на воду, со всплесками. Ему двойки ставили. На другой день — одни пятерки. В общем, разбойник он был, но талантливейший полярный летчик.

Пилот А. А. Каш возле самолета Ан-2 СССР-Н542. 1957. Источник фото: www.polarpost.ru

Короче говоря, мы там ночуем, а где ночевать? Маленькая клетушка. Летчики там устраиваются, а мы — два-три человека — на метеостанцию. Метеостанция немножко в стороне. «Поехали». — «Куда поехали?» — «На археологию». А что такое археология? Приезжаем — там из снега торчат палки. На палках бирки. На бирках написано: «раскладушки», «белье». Надо раскопать, и там склад. Мы достали раскладушки, белье. Все себе достали, привезли на метеостанцию.

Ресторан «Северный полюс» на станции «Северный полюс-10». Фото из архива Ю. М. Кривоносова

Когда подъезжали, я вижу: идет маленький вездеход, и гало в это время наверху, одна луна и две луны по бокам, и внизу этот вездеход, и дымок от него. Снять это невозможно, но впечатление зрительное! Эта красота обалденная на всю жизнь у меня сидит в голове, как это выглядело.

Там морзянка пищит, на радио передают сводку, и какой-то парень дремлет на каких-то сундуках. Я с ним начинаю знакомиться. Оказалось, что это доктор с восьмой поколотовой станции сопровождает приборы разные, груз и переживает тоже — самолет уже на Москву. Ну, мы там повидались, пообщались с ним. И он мне сказал: «Ну, покололи станцию, спасали, но всех вывезли, все вывезли».

Короче говоря, на следующий день нас выпускают. Мы летим в Косистый, прилетаем. Я поселяюсь — там такая гостиничка, домик. И я говорю: «Где Каш?» — «Каш вон в том доме, но они сейчас спят. Они после полетов. Приходи после обеда». Я после обеда бегу туда. Он мне говорит: «Слушай, откуда ты здесь взялся?» Я говорю: «Откуда? Я приехал снимать, как вы 8-ю станцию спасаете, но я не успел. Я хотел же с вами полететь, снять там вот, какая расколотая станция. Я же хотел снять это все». Он говорит: «А мы бы тебя не взяли. У нас же каждый килограмм был на учете. Представляешь, еще туда лететь. Горючее, все. Ты же не можешь себе представить, что это такое. Мы бы тебя ни за что не взяли. Так что ты не волнуйся». Я говорю: «Вот я несчастный!» Он говорит: «Что тебе, какие тебе нужны кадры?» Я говорю: «Расколотая станция, сверху это...» Он говорит: «Штурман, вынимай свою пленку!» Штурман вынимает кассету, мне дает. Запомнил: Бадретдинов его была фамилия. Я потом подписал в журнале, что это его фотографии. Он мне дает эту пленку. У меня уже это есть. Теперь они мне рассказывают, как они оттуда спасали самолет. Там самолет примерз. Он был законсервирован в снегу. Как они его откапывали, как удалось взлететь, причем с поворотом, потому что не хватало разбега, надо было повернуть чуть-чуть при взлете. И как они его перегнали сюда. В общем, целая история со спасением этого самолета. И у меня уже это есть.

А там комната, где спят с 8-й станции ребята все. Во-первых, они устали. Там несколько суток была вот эта страшная потасовка, пока их вывозили оттуда. И они еще поддали все и лежат, дрыхнут. А мне нужно поговорить с начальником станции, расспросить, как это было. Я же должен был написать, как это было. Мне говорят: «В духаря ребята. Невозможно. Утром они будут трезвые. Придешь, поговоришь и все сделаешь». — «Хорошо». Я иду спать. Прихожу утром — пустые койки, никого нет. Вот еще один прокол.

Я говорю: «Где они?» — «Ночью прилетел директор Института Арктики и Антарктики Трёшников, приказал их всех погрузить в самолет и увез их в Ленинград». Я говорю: «Ой, мама родная, что же мне делать?» А там был практикант-кинооператор из студии «Центрнаучфильм». Нет. Как это? Документальных фильмов. Валя Галин. Я ему говорю: «Вот такая беда. Я хотел поговорить с начальником...» Валя говорит: «У меня же записан на диктофон весь разговор с ним! Он все рассказал! Бери диктофон, иди переписывай». Удача! Какая удача! Я иду, переписываю, все это себе записываю, весь разговор. У меня уже есть материал.

И тут летит борт на дрейфующую станцию 10-ю, которая на севере, на полюсе. Я говорю: «Я полечу». И там еще был Романов из ТАССа. Его не берут — у него допуска нет. Оказывается, там связано было с военными, как всегда. Нужен был допуск. А у меня допуск был, и меня берут, и я лечу на дрейфующую станцию. Короче говоря, тут прилетаю. Начальником станции был Корнилов Николай Александрович, по моему. Коля Корнилов. Он мне говорит: «Слушай! Вот так. Иди к аэрологам. У них служебный домик свободный. Потому что мест нет. Тут летчик прилетел, у них четвертая койка была занята. Летчик вертолета, который тебя перевел из базового аэродрома туда, где эти». Потому что далеко тут было. Тут не было аэродрома, а там был аэродром ледовый. И говорит: «Они тебя в свой домик поселят, и ты у них будешь жить. Но завтра ты заступаешь дежурным по камбузу». А что значит «дежурным по камбузу»? Это сутки дежурить в столовке, всех кормить, мыть посуду и все прочее. А так как они по очереди здесь дежурят, а их человек двадцать, так вот разрядка в дежурстве — это для них большое дело. Чтобы на день оттянуть, на день еще кого-нибудь всунуть сюда. Он говорит: «Мало того, что ты будешь разрядку делать, ты же их будешь кормить три раза в день. Ты со всеми перезнакомишься за один день!» Умный мужик. И я на следующий день дежурил на камбузе. Я их кормил, я мыл посуду. А еда жирная: у них ящики с этой едой. Все это ад — там мыть посуду. Я повару говорю: «У тебя есть горчица сухая?» — «Есть». — «Давай мне». Я взял таз, насыпал сухой горчицы, налил горячую воду, взял палку, на палку губку привязал проволокой и шуровал эту посуду горчицей. У меня все сверкает. Врач пришел, говорит: «Такой чистой посуды никогда не было!» Через два года ребята с этой станции, которые уже успели побывать в Антарктиде, — они год тут, год отдыха, год в Антарктиде, — приезжают и говорят: «Слушай, твоим способом уже посуду моют в Антарктиде». Я говорю: «Ну, это вообще».

Домик полярников на станции «Северный полюс-10». Фото из архива Ю. М. Кривоносова

И вот был такой Вася Митрофанов. Мы с ним тут открывали шампанское, залили эту стену, а у меня была клеевая краска — все потекло. После этого я сделал здесь рогожку на всякий случай. Кто это был Вася Митрофанов? Он аэролог тоже был. Я там несколько дней работаю, снимаю, все привожу в порядок. Все у меня нормально, причем ролик я повесил на домике снаружи, чтобы не заносить его в помещение. Он же сразу потеет, он же прокаленный, а у меня смазка была снята с него, потому что на одной съемке у меня заел аппарат. Я его на кинохронику отнес. Был такой Коля Бобриков, он снял мне всю смазку из рефлекса, и он не замерзал. Но, чтобы он не отпотевал, я его вешал. Там же никого посторонних нет. Когда на улице снимал, я брал ролик, шел, снимал. А так у меня узкоплечные аппараты за пазухой, чтобы не замерзали. Короче говоря, я все снял: как они в баню ходят, в бане снимал их, и вообще я много чего там наснимал.

Баня на станции «Северный полюс-10». Фото из архива Ю. М. Кривоносова

Самое интересное, меня в этот домик поселили, я там один, у них печка и уголь. У них завозили это все. Печку нашурешь — теплынь! Раскладушка и мешок росомашьего меха. Я в него залез. Утром зуб на зуб не попадает. Все выстыло — домик-то фанерный. Вылезти опять надо... Ну, там тлело, подсыпал и все. Но самое главное — первая ночь. А потом уже не так.

” **А первая ночь: я лежу в домике один, какие-то скрипы снизу, я знаю, что шестьсот метров океана вниз подо мной. Я на льдине, и я один, никого нету.**

Но там все окна они сделали, как люки. Если что-нибудь случается, они могут в любую сторону люк выкинуть и выпрыгнуть. Это же все было очень продумано на случай спасения.

Я провожу там это дело. Это было не совсем так. Я забежал немножко вперед. Перед тем как полететь на полюс, самолет должен был лететь из Косистого в Тикси, а уже из Тикси он должен был лететь на полюс. Я должен был прилететь этим самолетом в Тикси и потом лететь на полюс. Со мной в Тикси летел начальник экспедиции из Косистого, без визы которого никакой материал я не имел права оттуда отправить. Поэтому я уже напечатал материал, взял у завхоза машинку, напечатал, как все это было: про Каша, про пленку, как они спасали этот самолет, как там лыжи примерзли, они их отбивали, как удалось им взлететь. В общем, все это. Запаковал в пакет. Мы летим, а им несколько часов лететь. Я этому начальнику экспедиции даю текст. А второй экземпляр, где пленка и где текст, у меня уже запечатанный, чтобы сразу отправить самолетом из Тикси в редакцию. Он читает, сделал какое-то замечание небольшое. Я тогда на пакете пишу: «Страница такая-то, такое-то уточнение». И вдруг я с ужасом вспоминаю: где я пишу, как они спасали этот самолет, как они отбивали лыжи, когда взлетает самолет, — «под колесами мелькнули торосы». Какие колеса-то? Там же лыжи, а не колеса! Я тогда думаю, в редакции скажут: «Вот гад, сколько напутал всего и тут пишет все свои. Может, у него там еще черт-те что». Но я думаю: «Все-таки точность должна быть». Я жертвую своим авторитетом ради точности и пишу: «В таком-то месте вместо колес должны быть лыжи. Под лыжами были торосы». Мы прилетаем в Тикси, и я отдаю это диспетчеру. Она отправляет в Москву в редакцию. Там встретили, получили. И вот тут я летел

как раз уже на дрейфующую станцию 10-ю, где я провел эти остальные дни.

Потом я оттуда возвращаюсь в Косистый, возвращаюсь в Москву. Прихожу в фотоотдел, вижу, что пленку проявили, контрольки напечатали, а материал не движется, валяется. Я к Боровику. Я говорю: «Слушай, в чем дело? Материал же я прислал. Я мотался. Давай в следующий номер». И сделали, напечатали материал. Назывался «Как спасали 8-ю станцию». А после этого я написал второй материал, который назывался «Гостей в Арктике не бывает». Я с того начал, что прилетаю — я уже не гость, меня ставят дежурным по камбузу. Вот с этого я начинал.

Когда я улетал, мне ребята дали письма, целую кучу писем. На всех письмах — они были с марками — штамп был «Северный полюс-10». Я прихожу сразу на почту, говорю: «Девочки, отправьте». Они говорят: «Мы не имеем права. Они уже отштампованные». Я говорю: «Как?» Она: «Есть же там какая-нибудь почта? Они же должны...» Я говорю: «Девочки! Там нет почты! Там Северный полюс!» В общем, они отправили эту почту всю по домам. Так что я быстро доставил почту для этих ребят.

Попутно выясняется такое: пока меня не было, пришел человек, принес повестку из военкомата, мне явиться в военкомат. Мама говорит: «Его нет». — «А он где?» — «А он на Северном полюсе». Они говорят: «Вот повестка. Когда приедет, пусть придет». Я эту повестку, конечно, положил, никуда я тогда не пошел, ни в какой военкомат. Они грозили меня переаттестовать в офицерский состав, а я старший сержант. Я сказал, что я не хочу в офицерский состав. Это берут на сборы, берут, куда хотят, и на пять лет позже снимают с военного учета. А я Швейк. Мне это не надо. И они сказали: «Хорошо. Вы учитесь в университете. Когда закончите, мы вас все равно переаттестуем в офицерское звание». Я говорю: «Вот когда закончу, тогда и переаттестовывайте». А когда я закончил, это правило уже отменили. Таким образом я остался навеки старший сержант.

Вот это история с Северным полюсом. Потом это очень много где печаталось. В «Огоньке» было «Гостей в Арктике не бывает». Потом в моей книге электронной «За тех, кто в море» я тоже поместил. Они же моряки, они же дрейфуют, они же на море целый год. Поэтому я поместил дрейфующую станцию «Северный полюс» в эту книгу. Она у меня на этой самой моей штуке.

Е. Г.: А как жили в то время на Северном полюсе?

Ю. К.: Нормально жили. До этого они жили в палатках, у них были газовые плитки двухконфорочные, и снаружи баллоны. Баллонов полно. Круглые сутки там горел газ. Иначе можно замерзнуть. Если ночью кончился баллон, вылезай, подключай новый, иначе к утру замерзнешь к чертовой матери. А в это время, когда я был, у них уже был уголь, печки, и они отапливались, было тепло. Даже баня вот. Бани там специальные, самолетные, для подогрева были такие приборы, по которым качали горячую воду и воздух. А бани — это огромные такие палатки. В этой бане они мылись. Я снял внутри, как они в пару там... Очень много это публиковалось.

В бане на станции «Северный полюс-10». Фото из архива Ю. М. Кривоносова

У меня очень часто были люди, с которыми я сталкивался в командировках, приезжали ко мне в гости. Продолжалось знакомство, дружба очень со многими людьми. Это всю жизнь так. Я всегда тащил кого-нибудь в дом так же, как моя мама. Она же ведь журналистка. Она после командировок тоже кого-то тащила в дом. Так у нас было уже заведено. А потом жена моя со своих киноэкспедиций тоже притаскивала знакомых в дом. У нас тут всегда было полно народу. И она говорила: «Нет покоя ни по субботам, ни по воскресеньям. Всегда кто-то есть». А ей сказали: «А если бы никого не было, лучше было бы?» Она говорит: «Нет, пусть будут, пусть приходят».

Это еще не все про эту Арктику. Проходит года два. Здесь жила такая Лариса. У нее была дочка Маринка. Мы эту Маринку опекали вот с такого возраста, растили, потому что она все уезжала куда-то мужа встречать. Он был врач на международных судах, и они то в Мурманск приходили, то в Новороссийск приходили. Она летела туда. Там несколько дней, пока он тут. Потом он опять уходил в рейс. Она опять туда. Маринка у нас. А у нее был другой муж. Они расстались, а это уже был другой муж, новый муж. Однажды на Новый год Лариса говорит: «Мы сейчас к вам придем». Как раз 31-го, да? И вваливается она со своим новым мужем. «Я тебя где-то видел». — «И я тебя где-то видел». Это тот доктор, который на Темпе охранял имущество с 8-й станции. Он оказался ее мужем, и мы дружили.

Е. Г.: Удивительно.

Ю. К.: Его уже сейчас, к сожалению, нет. Сколько людей. Смотрите, какой тесный мир. Во-первых, со штурманом встретились, когда мы летели, да? С Дальнего Востока. Каш — встретились. Теперь этот

Володя здесь. Вася Митрофанов оказался здесь, шампанское на стенку вылили, на Северном полюсе с ним были. В общем, теснота мира, конечно, есть. Но я пишу, что мир, наверное, не такой тесный — просто люди очень подвижные: один туда, другой сюда, третий сюда. Вот это история с полярниками. Это очень жгуче. Там много было, как мы ходили, медвежьи следы видели.

Е. Г.: Медведи не нападали там?

Ю. К.: Нет, не нападали. Там были собаки, которые лаяли, отгоняли. Ну, потом они следили. Ночью в туалет надо было ходить куда-то в сторону, там были будки. Это было очень опасно, без пистолета, без оружия не выходили, потому что медведи могли подойти. Собака могла проспать все на свете. Ну, это все очень опасные вещи. И лед трещит там... Ой, мама... Мы пошли посмотреть, обмерять льдину, на которой станция была. Корнилов тогда нас послал, и я пошел с ребятами. Напоролась на свежую трещину, доложили, он на карту сразу наносит обстановку новую. А лед трескается. Что делать-то?

Е. Г.: То есть в любой момент она может расколоться?

Ю. К.: Все может быть. И в моей электронной книге «За тех, кто в море» подробно и очень много фотографий есть по Арктике.

Саянский поход

Я узнал, что группа туристов (это горные туристы, бывалые люди) идут в Саяны на первопрохождение реки Уда. Я напросился к ним в компанию. Они меня взяли туда. Нас оснастили. В туристском бюро дали нам ботинки альпинистские, специальное оборудование дали. Мы там зарегистрировались. Но для того, чтобы пройти весь этот маршрут, нужно иметь как минимум карты. И карты очень подробные. А карт Саян этих нету. Ребята говорят: «Нету карт. Что делать? Как мы пойдем? Это вслепую. Мы же не будем знать, чего...» Я им говорю: «Ребята, должны быть аэросъемки. Ведь вся страна снята. Надо найти снимки, с неба снятые. Это моя профессия, так что мы должны их найти». В общем, они находят библиотеку таких карт, где есть эти все фотографии, но это все секретное. Все секретное и не выдается. Тогда мы придумали что? Я с одним парнем во дворе, где-то там дальше, поставил свою машину. Они — двое или трое — пошли, изучали, брали эти карты, выходили покурить, приносили по одному, по два листа, и между дверями этот мне держал, и я переснимал. Короче говоря, мы весь маршрут пересняли, и у нас были аэроснимки всего маршрута. Вот это моя роль в этой самой главной экспедиции.

Собрались, распределяли имущество, кому чего нести. Жуткий был спор у них: кому нести кастрюлю. А кастрюля на десять человек. Никто не хочет нести кастрюлю. Скандал. Я человек принципиальный, я говорю: «Черт с вами. Я беру вашу кастрюлю! Понесу я кастрюлю!» Я потом проклял эту кастрюлю, но я ее взял. Надо было спор кончить. Мне они надоели, что они спорят! Короче говоря, вещи распределили, вес, кто чего несет.

Погрузили рюкзаки в машину, привезли на Ярославский вокзал. По-моему, на Ярославский. И надо было нести до вагона рюкзак. Тут я понял, что я влип. Пятьдесят килограммов рюкзак. У меня ноги уже восьмерки делают. Тяжеленный. Я же нетренированный. Я тогда был не толстый, но у меня было одиннадцать килограммов лишнего веса. Жирноватый я был. Я его до вагона дотащил, думаю: «Боже, во что я ввязался! Что со мной будет?»

Пять суток мы, по-моему, ехали до Нижнеудинска. Там мы высадились, пошли в какую-то забегаловку, покушали. Летит самолет, а лететь надо в Тофаларию. Тофалария — это где тофы живут, тофалары. Там четыре поселка, где они живут: Верхняя Гутара, Нижняя Гутара, Алыгджер и Нерха. И надо было, по-моему, в Верхнюю Гутару перелететь самолетом, и оттуда уже с оленьим караваном выходить к истокам этой реки Уды. Но в самолете было только одно место, и наш главный руководитель Лешка Чусов улетел с этим рейсом собирать стадо, договариваться надо: олени нужны вьючные нам для этой цели. Он улетел, мы остались ночевать. На следующий день рейса нет, погода портится, а если испортится погода, там неделю можно сидеть. Что делать? Я иду на авантюру. У меня казенные деньги издательства «Правда».

Я беру спецрейс — две с половиной тысячи. Думаю, жуткий риск. А тогда две с половиной тысячи — это были большие деньги. А у меня зарплата была сто двадцать.

Короче говоря, я беру спецрейс. Нас сажают и везут туда. Мама родная! Зато я сделал прекрасные снимки, потому что весь самолет был из наших ребят. Нас было одиннадцать человек, и вверху летело десять человек. Как все сидят тут и все. Когда мы подлетали, сверху съемка вниз, как там река... Лучшие съемки уже появились за счет спецрейса. Потом, кстати, мне списали эти деньги в «Правде». Я сказал: «Не было другого выхода. Только спецрейс. Иначе сбой в командировке». А чего издательству «Правда»? Колоссальными миллионами, миллиардами ворочали. Что им две тысячи?

Мы прилетели в эту Гутару и стали собирать этих оленей. Где-то ходили по тайге, наконец, собрали под вечер. Ребята говорят: «Да ладно. Завтра с утра уж выйдем». А Леха говорит: «Вы их не знаете. Завтра с утра начнется то же самое — собирать оленей по тундре. Надо выходить немедленно! Три километра отойдем — все, мы уже в походе. Они уже назад не пойдут». Мы несколько километров отошли, поставили палатки, переночевали.

Олени отдыхают. Саяны, 1959. Фото из архива Ю. М. Кривоносова

Там щелкал затвором проводник — Гришка Тутаяев, что ли. Подвыпивший. У него мы вынули затвор из карабина, спрятали, и нож вынули у него. Вот такой ножара огромный. Чтобы он был безопасный. И ребятам говорит: «Налейте ему еще полстакана спирту, пусть он затаится». Ему налили. Он свалился и до утра спал, нас не беспокоил. Мы переспали в этом месте, а на следующий день загрузили уже караван оленей. Но олень берет мало — тридцать килограммов, больше не может. И у нас осталось примерно

по пятнадцать килограммов, а меня еще аппаратура. Мы пошли. Три зыбких перевала. Три дня мы шли. В день по перевалу делали. Я в одном месте вообще сел — не мог дальше идти. Один парень взял мой рюкзак, говорит: «Ладно, иди налегке. Ты не пройдешь иначе». За три дня — три перевала. За три дня моих одиннадцати килограммов лишнего веса не стало.

Е. Г.: Ничего себе.

Гришка Тутаев. Саяны, 1959. Фото из архива Ю. М. Кривоносова

Ю. К.: Не стало. Мое прозвище в походе было Рыжий, потому что я был рыжий действительно, огненно-рыжий. Они говорили: «У Рыжего жир по коленкам течет». Я стал тонкий, звонкий и прозрачный к концу этих трех [перевалов]. Когда мы вышли на устье этой реки — там только начиналось, журчат несколько ручейков, — мы остановились на дневку, на отдых. Караван отпустили, спросили: «Ну, куда пойдешь? Сразу домой?» Он говорит: «Нет, пойду медведя бить». — «Зачем медведя бить?» — «Лисиц кормить!» — «Каких лисиц?» А у них, оказывается, чернобурки были. Так они убивали медведя и этим мясом кормили чернобурок.

Мы остались здесь, переночевали. Потом у нас было восхождение на гору, запланированное, по карте. Поднялись — не та гора. Спустились. На следующий день поднялись — нужная гора. Отметились там, положили какие-то свои надписи, как они делают, какие-то штуки. Я не очень это понимаю. Потом спустились. Дальше без оленей идем пешком. Ну, немножко легче рюкзаки. Может, не пятьдесят, а сорок пять. И двадцать километров мы топали вдоль реки, причем иногда в сторону от реки отходили, потом подходили к ней, отходили, подходили. Она все маленькая. Вечером мы вышли на какое-то место,

увидели, что уже река там более-менее, что можно строить плоты. Поставили там и палатки.

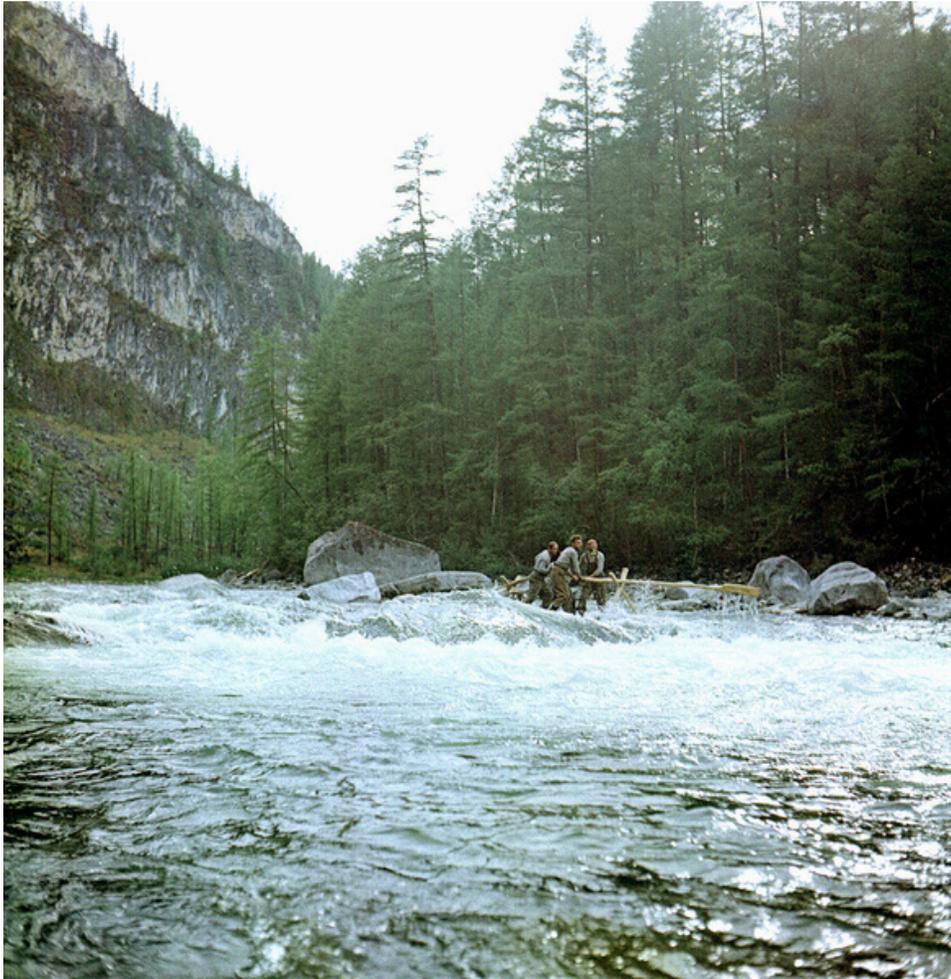

На пике. Саяны, 1959. Фото из архива Ю. М. Кривоносова

Дальше была целая история: как они искали нужные деревья в тайге, как их пилили, валили, как их вытаскивали на берег, как из них делали плоты, мастерили. Дня три-четыре эта стройка шла. Потом мы начали сплавляться. Местами мелко. Встал плот — спрыгиваем. Каждый этап — десять минут. Прыгаем с плота в воду, толкаем плот опять, опять. Местами спокойно идем. На третий или на четвертый день нас вдруг прилепило к огромному камню. Пришлось отдирать. Но снимки у меня там классные. Жуткие снимки есть. И мы сплавлялись. В общем, спихнули кое-как. Нас вынесло. Вечером мы нарвались на какие-то камни, — как решетка торчат среди воды. Плоты нам разбило. Мы еле спасли вещи, выскочили на берег. Три дня шли пешком. Вышли в поселок Алыгджер. У нас продукты кончались. А уже много прошло времени: мы шли несколько дней. Мы там дозакупили продукты.

Там был такой Саша у нас. Он боялся воды. А в одном месте надо было проходить порог, и первый плот попал на камни. Его вертело, пошибало, гребь сломалась. Целая история. А там узкий слив у второго берега, и надо в него точно попасть. Они не попали. А второй плот, на котором я был, значит... А Саша трясется, боится воды. Почему он пошел в этот поход, я не знаю. Я Бобу, капитану нашему, говорю: «Боб, пусть Саша остается. Я пойду вместо него на гребни». А там двое на передние гребни, двое на задние гребни. Он говорит: «Нет. Порог этот очень интересный. Саша пойдет, черт с ним. Будет висеть на гребни, мы его будем таскать. Ты должен остаться и снять, как мы будем проходить». Это совершенно правильно он сделал. Но мне же везде участвовать надо. Вот мне обязательно надо во все влезать. «Ты иди, — говорит, — вон на тот камень». Я иду, смотрю, а у этого камня свежие следы медведя, еще не осыпался

песок (*сметается*). Я тут один. Придет этот медведь... Но работа есть работа. Я на этот камень. Короче говоря, они нормально прошли этот слив, и у меня вот такой кадр прохождения порога. Единственный оказался. А потом я пришел туда, пошли дальше.

Порог. Саяны, 1959. Фото из архива Ю. М. Кривоносова

Этот Саша в Алыгджере сказал, что растянул ногу, и улетел в Москву. Я ему дал пленку. Он отвез пленку. Это было хорошо, потому что половина маршрута была отснята, а я мог и потопить в любом месте, да? И пленка эта уже с гарантией улетела в Москву. Шаши не было.

Так как дежурили парами... А что дежурили? Подготовка, лагерь — два дежурных. Саша был дежурный... Там была такая грузинка Мзия Качеишвили. Прозвище — Качи. Качи осталась без напарника. Меня прикрепили к Качи дежурить. Я стал с ней вместе дежурить. К этому времени я стал такой, что, когда мы где-то остановились, а лагерь повыше, надо было на горку подняться, и там мы должны были палатки ставить, а плоты внизу, я связывал два рюкзака, через плечо, нес и поднимал туда. Вот что было в эти дни. А в возрасте я был тогда Иисуса Христа. Как раз был в однолетках с Христом. Мы с Качи стали дежурить. В первый же вечер, когда сделали чай, мы случайно в него просыпали черный перец. Когда все поужинали, стали пить чай, говорят: «Этот чай с грузинским акцентом! Эта пара Кривошвили нас уморить хотят!» Вот мы стали Кривошвили с ней. Мы с ней дружим до сих пор с 59-го года. Она прилетает, у нее тут два сына работают в МИДе, она ко мне ходит в гости, перезванивается. Дружим с тех пор. У нее уже внуки, она белая вся, Качи. А Качи — потому что Качеишвили. Качи проще, чем Мзия. Мзия мы не выговорим. А Качи легко выговаривать. Стала Качи она. Так же, как я стал Рыжий. Вот и дружим мы с этой Качи до сих пор. Недавно она у меня была.

Качи и Рыжий. Саяны, 1959. Фото из архива Ю. М. Кривоносова

Дальше из этого Алыгджера нам надо идти в другое место, где мы должны строить новые плоты, потому что по карте мы уже знаем, где это надо делать, но там проходит река за Алыгджером... Или это была уже Нерха. Может, это была Нерха. Я не помню. То ли из Алыгджера, то ли из Нерхи мы выходили. Вот из этих двух поселков. Точно не скажу. Я уже забыл. Надо карты смотреть. Надо смотреть мой дневник. У меня же дневник. Я каждый день в дневник записывал. Причем как записывал. Это походная запись. Полухулиганская, знаете, это как? Как писали дневники туристские? Вот я писал, и он у меня весь целиком есть. Этот дневник сохранился. Там надо перейти через реку Джуглым. Они нам говорят: «Если вы сейчас выйдете, — а это вечер уже, — вы на конях перейдете через Джуглым». А дождь пошел уже. Они говорят: «Если вы сейчас не выйдете, вы завтра Джуглым ни на чем не перейдете. И сколько дней будет лить, мы не знаем». Мы вышли на этот Джуглым, и началась на лошадях... Я стал снимать, как на лошадях они там... А у этого проводника собака с собой была. Вдруг в последний момент собака выскочила на берег туда, и я сделал кадр. Собака сделала этот кадр. Вы не видели эту фотографию?

Е. Г.: Видела, наверное.

Переправа через Джуглым. Саяны, 1959. Фото из архива Ю. М. Кривоносова

Ю. К.: «Переправа через Джуглым». Там на лошадях и такое, значит... Туманные дали, и через эту реку... Вот собака сделала кадр. В последний момент сбежала, и я сделал этот кадр. Самое главное в нашем деле — не зевать. Надо успеть увидеть и успеть нажать на кнопку. Все. Когда говорили: «Вот, проблемы в фотожурналистике». Я говорю: «Нет никакой проблемы. Есть одна проблема — сделать хорошую картинку. Все! Как вы ее сделаете — это ваше личное дело. Это никакая не фотографическая, но ваша личная проблема».

Три дня лил дождь, и мы по этому дождю шли. Все тропинки превратились в реки. Как мы по деревьям переходили... На третий день, когда вышло солнце, появились овода, начали грызть лошадей, лошади стали беситься. Это была жуткая история. Мы вышли на то место, где мы должны были строить новые плоты. Раскрыли лагерь, сделали плоты и сплавлялись еще несколько дней. Там уже река была широкая, порогов почти не было, и мы благополучно добрались до населенки, откуда мы вернулись — уже ходил автобус. Какой автобус? Это грузовик с брезентом. Мы вернулись в Нижнеудинск, откуда мы вылетали, и еще пять дней до Москвы топали.

Это у меня прошло... Во-первых, в «Огоньке» был у нас большой материал. Потом у меня это во «Freie Welt» из номера в номер, несколько номеров в немецком журнале они дали. Все это у меня, кроме первого номера, сохранилось, а первый номер у меня украли. Но это не важно. Вот это был такой саянский поход. Для меня это была закалка, конечно, потрясающая. Жир согнал. Больше я никогда так не поправлялся уже, жир не набивал. Все было нормально.

Самое интересное: когда в «Советском фото» на мое шестидесятилетие я сделал фотовыставку, я специально сделал тридцать шесть кадров. Столько, сколько на пленке. Я сделал выставку — тридцать шесть кадров. И там у меня были саянские снимки, и была подпись: «Восточный Саян». У нас был фотолаборант Юрка Ванишев, он говорит: «Саяны, а не Саян». Я говорю: «Нет, Восточный Саян». — «Да нет, Саяны! Ты неправильно! Спорим на коньяк? На бутылку коньяку?» — «Давай, спорим». Я говорю:

«Иди, смотри в энциклопедии, пожалуйста. Там написано: «Восточный Саян», «Западный Саян». Вместе «Саяны». И что вы думаете? Наутро является Юрка, приносит вот такой шкалик. Он говорит: «Коньяк? Коньяк. Бутылка? Бутылка. Все». Он выкрутился. Это была концовка для Восточного Саяна. Карты эти, конечно, аэросъемки, которые я переснял, очень пригодились. Мы видели, какой характер реки дальше, какие повороты, где чего, где какие пороги. Единственное, это было снято в один период, а в другой период, когда мы шли, там где-то вода была другая. Другое время года. Там порог не видно, а тут воды было меньше — порог появился. Вот такой саянский поход. На всю жизнь. Мы шли там по сплошным полям, заросшим цветами. Просто шли — цветы кругом! Там желтые маки, красные маки, рододендроны. Какие-то, как их там называют-то, яркие цветы, которые вообще неизвестны... Огоньки или жарки. То есть шли по цветам — иначе нельзя. Нету дороги, нету. Это первопроход был. Но впечатления на всю жизнь. Такая красота!

Е. Г.: Да, замечательно.

Группа. Саяны, 1959. Фото из архива Ю. М. Кривоносова

Ю. К.: Это осталось у меня на всю жизнь. Вот я ввязался в это. Мне дали командировку на месяц, а у нас было полмаршрута. Я дал телеграмму: «Вышли из тайги, уходим в тайгу. Продлите командировку». Приезжаю, а у нас такой вредный был завфотоотделом: «Я не продлю командировку». Я говорю: «Хорошо, тогда половину негативов я вам не отдаю. Я оставляю себе». — «Ладно, черт с тобой, продлим командировку». Продлили командировку, что там... Вот это Саяны. На всю жизнь остались. И друзья на всю жизнь остались кое-какие с этой... Тоже не все уже живы. Но вот Качи меня радует до сих пор. Мы с ней общаемся, дружим. То она в Тбилиси, то она здесь. И кто-то еще из ребят был, но уже многих нет. Вот это еще одна моя веселая командировка.

Качи в короне из снега. Саяны, 1959. Фото из архива Ю. М. Кривоносова

Как видите, все командировки требовали от меня отваги, которой у меня не было, и я через силу... Конечно, страшно, но когда смотришь в кадр, то забываешь все. Главное вот, когда снимаешь, то ничего не видишь, ничего не слышишь. Страх можно перебороть. Работа такая была. Мне нравилось это. Мне говорили ребята: «Зачем? Куда ты лезешь в эти дела...» Я говорю: «Мне это интересно». Я сам придумал почти все темы. Редакционные — не так много заданий я выполнял. А в основном то, что я придумывал сам.

Е. Г.: Да, вот это важно, что у вас была возможность.

Ю. К.: Это я находил в газете, по радио: там происходит то-то, то-то, то-то. Я же не могу выдумать. Я же не выдумывал сюжеты, а я брал из жизни, потому что из жизни всегда интересней, и знакомился с огромным количеством людей. Мне сколько людей помогали. История жизни. Я думаю, на сегодня хватит нам?

Е. Г.: Да, наверно.